

Валентина Скляренко, Ирина Рудычева Федор Достоевский

«Скажем только, что это талант необыкновенный и самобытный, который, сразу, еще первым произведением своим, резко выделился от всей толпы наших писателей, более или менее обязанных Гоголю направлением и характером, а потому и успехом своего таланта».

В. Г. Белинский

«Читая иного писателя, ловишь себя на мысли — как искусно и талантливо написано, и даже завидуешь его мастерству Читая же Достоевского, совершенно забываешь о том, как это все сделано, потому что все это не написано, а выстрадано и живет уже само по себе».

Л. Н. Толстой

«Он говорил, как кричит сердцевина моей души. Как тоскует душа всех людей в черные и счастливые минуты... Когда мы плачем... Когда мы порываемся... Когда мы клянем себя... Все, все это — у нас, как у него, который был так близок к Истине, что это составляет чудо его личности и биографии, которого с ним никто не разделил».

В. Розанов

«В наше жестокое время, когда образ человека начинает меркнуть и презрение к человеку грозит пошатнуть самые основы общежития, вера в человека может найти свою единственную опору только в том отношении к человеку, которое обрел Достоевский. Гуманизм должен либо окончательно погибнуть, либо воскреснуть в новой и вместе с тем исконной и древней форме — в форме христианского гуманизма, которую для современного человека открыл Достоевский».

С. Л. Франк

«До него все в русской жизни, в русской мысли было просто. Он сделал сложными нашу душу, нашу веру, наше искусство...»

Вяч. Иванов

«Читайте Достоевского, любите Достоевского, если можете, а не можете, браните Достоевского, но читайте... по возможности только его».

И. Анненский

Вступление

Образ гениальной творческой личности всегда обладает огромной притягательной силой как для современников, так и для потомков. Именно к таким личностям принадлежит Федор Михайлович

Достоевский, которого ставят в один ряд с Н. Гоголем, Л. Толстым, Ч. Диккенсом, О. де Бальзаком. Достоевский был одним из величайших мастеров слова за всю мировую историю литературы. Никто не умел так раскрыть душу человека, используя все приемы художественного изображения.

Ф. М. Достоевский принадлежит столько же литературе, сколько и философии, хотя у него нет ни одного чисто философского сочинения. О чем бы ни писал он — о религии, этике, эстетике, истории, государстве или русском народе, — повсюду скрыт ключ к таинству: «что значит быть человеком?» Всю свою жизнь романист не оставлял попыток выявить сущность человека, «найти человека в человеке». Не случайно писатель, историк, академик РАЕН, президент Фонда Достоевского И. Волгин, много лет посвятивший изучению биографии и творчества Федора Михайловича, сказал о нем: «Достоевский — это мы. Но «мы» — не как отдельные эмпирические люди, а как люди вообще — в высшем своем проявлении. Гений всегда демонстрирует предельные возможности человеческого духа. Поэтому любое прикосновение к Достоевскому, к его биографии, творчеству — есть, помимо прочего, еще и акт самопознания. Человек — главный предмет Достоевского, а он, человек, как

показывает опыт XX века, изменился довольно мало. Основные вопросы, которые волновали автора «Бесов», актуальны и в XXI столетии». С этим нельзя не согласиться. Весь двадцатый век прошел под знаком все возрастающей всемирной славы писателя. И сейчас интерес к нему не только не ослабевает, а, напротив, усиливается.

Сегодня люди с особой остротой почувствовали, как близок, как необходим им Достоевский, его произведения. Еще на рассвете прошлого столетия это предвидел писатель и философ Д. Мережковский, который сказал: «Достоевский в некоторые минуты ближе нам, чем... родные и друзья. Он — товарищ в болезни, сообщник не только в добре, но и во зле, а ничто так не сближает людей, как общие недостатки. Он знает самые сокровенные наши мысли, самые преступные желания нашего сердца. Нередко, когда читаешь его, чувствуешь страх от его всезнания. У него встречаешь тайные мысли, которых не решился бы высказать не только другу, но и самому себе. И когда такой человек, исповедавший наше сердце, все-таки прощает нас, когда он говорит: «верьте в добро, в Бога, в себя», — это больше, чем эстетический восторг перед красотой, больше, чем высокомерная проповедь чуждого пророка».

Есть писатели, творчество которых помогает разобраться в сложнейшем мире проблем и

катаклизмов, окружающих современного человека. В этой иерархии имен Достоевский по праву занимает одно из ведущих мест. Нравственные ценности, проблемы человеческой личности как индивида, вера и неверие, национальная идея и общечеловеческая мораль — эти мировоззренческие проблемы, поставленные писателем, и сегодня являются теми ориентирами, которые определяют духовное существование людей. Достоевский — художник и мыслитель — интересен современному читателю своим провидческим даром, умением улавливать тончайшие оттенки чувств и переживаний человека, способностью предвидеть порой губительную роль идеи в обществе. Не случайно к его творчеству вновь и вновь обращаются ученые, политики, философы, публицисты, театральные и кинорежиссеры, актеры. И чем больше люди проникают в грандиозный художественный космос Достоевского, тем чаще задумываются о самом создателе гениальных произведений.

Мир знал и знает разного Достоевского. Молодой, талантливый петербургский литератор, автор миниатюрных повестей и сентиментальных новелл с незамысловатыми сюжетами — таким его знали на заре его писательской деятельности. Пройдут годы, и Достоевский предстанет совершенно другим человеком — трагическим

художником, бывшим узником Петропавловской крепости, смертником, которого расстреливали, но не расстреляли, сибирским каторжником. Миру явится мрачный летописец каторжных нравов, рассказчик темных криминальных историй, аналитик преступных помыслов и бесовских искушений. Такого Достоевского знали его современники, но только его потомкам было суждено осознать, что он — гигантская фигура писателя мирового масштаба, гений-вестник, почти пророк, предугадавший многое из того, о чем его современники и не догадывались. Прошли долгие годы, прежде чем открылось, что художественные фантазии писателя, многим казавшиеся мрачными плодами его больного воображения, стали сбываться. А еще люди поняли, что собственная судьба Достоевского — это судьба-модель, подобно которой сложились судьбы миллионов его несчастных соотечественников, познавших несправедливость суда, тюремные застенки и ужасы каторги.

Этот странный и гениальный человек перенес и выстрадал многое: ранний литературный успех, смертный приговор и вывод на плац для расстрела, каторгу, солдатчину, нищету, нелегкий труд литературного поденщика, страшную «падучую» болезнь — эпилепсию, бешеные проигрыши в рулетку, журнальную борьбу, непонимание, новый

небывалый успех у читателя. На его долю выпало все, что щедро отмеряла русским писателям судьба: от тюрьмы, цензуры и неподъемных долгов — до славы, владычества над умами и относительного материального благополучия. Не менее разнообразна была и его профессиональная деятельность — художественная литература, критика, публицистика, редактирование и издание журнала, ответственная должность в первом российском писательском фонде.

Как и его насыщенная событиями жизнь, Достоевский сам был клубком страстей и порывов. При жизни его не без оснований считали самым беспокойным, порывистым, изменчивым и страстным литератором. По словам Е. Соловьевой, «его резко очерченная индивидуальность, его болезненный психопатический гений, оригинальность его мышления и фантазии, не имеющая ничего подобного и равного в русской литературе», делали писателя совершенно особенным, ни на кого не похожим. В Достоевском ощущались огромная напряженность всех чувств и мыслей, борьба самых разных мнений, взлеты и падения, сила веры и отрицания. Во многом это объяснялось особенностями его личности — неустойчивой психикой, огромной требовательностью к себе и к другим, ревностным отношением к своему и чужому творчеству. Его

противоречивый характер совмещал великое смирение и гордыню, природную застенчивость и непомерное самолюбие, страстную веру и вечные сомнения. Выраженная полярность, противоречивость свойств его натуры необычайно ярко отразилась и в его творчестве, и в его жизни.

Судьба, не скупясь на крутые повороты, никогда особенно не щадила великого писателя. Не случайно о жизни Федора Михайловича, полной драматических и трагических событий, И. Волгин однажды сказал, что она — «лучший его роман, поразительный и по сюжетным ходам, и по своему внутреннему напряжению».

Детские годы

Федор Михайлович Достоевский родился 11 ноября (по старому стилю — 30 октября) 1821 года в Москве. Его отец Михаил Андреевич был медиком. Едва закончив медико-хирургическую академию, он как военный врач участвовал в Отечественной войне 1812 года. Пройдя долгий путь армейской службы, в 1820 году уволился в звании полкового врача первого класса. В марте 1821 года демобилизованный штаб-лекарь Михаил Достоевский получил место врача в московской Мариинской больнице для бедных, основанной по указу вдовы Павла I, Марии Федоровны. Сюда же, в

один из флигелей больницы, которая находилась на окраинной тогда улице Божедомке (ныне ул. Достоевского), он привез свою семью — жену Марию и первенца Михаила. В этой же больнице на свет появился второй сын Достоевских — Федор, которому суждено было прославить фамилию на весь мир.

Место, где родился будущий писатель, считалось чуть ли не самым печальным в старой Москве. Еще в начале XIX века на этой московской окраине располагалось кладбище, где хоронили отвергнутых обществом людей — самоубийц и преступников. Бедное кладбище называли «убогим домом», а его хранителей — «божедомами». Неподалеку от погоста находился приют для умалишенных. В 1806 году здесь по проекту архитектора Жилярди было выстроено великолепное здание, которое отвели под больницу для бедных. Казенная квартира Достоевских, располагавшаяся во флигеле, была мрачноватой и не слишком просторной — три небольших комнаты и кухня с русской печью, так что семье, со временем разросшейся до девяти человек, приходилось тесниться. Полутемную детскую занимали старшие братья — Михаил и Федор, младших поместили прямо в спальне родителей, отделенной дощатой перегородкой от зала — единственной вместительной и светлой комнаты в

доме. Но все же Достоевские не бедствовали. Отец семейства имел частную практику и заботился о благосостоянии своей семьи. В доме прислуживали няня, горничная; были кухарка, кучер и лакей; а когда в семье появлялся новорожденный, ему нанимали кормилицу.

По одному из предположений, Федор Достоевский произошел по отцовской линии из пинской шляхты, чье родовое имение Достоево в XVI–XVII веках находилось в Пинском уезде Великого княжества Литовского (ныне Ивановский район Брестской области, Белоруссия). Это имение 6 октября 1506 года за заслуги получил во владение Данила Иванович Ртищев. С этого времени Ртищев и его наследники стали именоваться Достоевскими. Достоево — первое родовое гнездо Достоевских. Потом будут Клечковцы, Янушполь и Войтовцы, где родится отец писателя Михаил Андреевич. Мать Мария Федоровна (в девичестве Нечаева) происходила из старомосковского купеческого рода. У нее была зажиточная московская родня. Особенно богата была ее сестра, тетка писателя, Александра Федоровна Куманина. «Покойная тетка, — вспоминал Ф. Достоевский, — имела огромное значение в нашей жизни с детства до 16 лет, многому она способствовала в нашем развитии». Уже после смерти Марии Федоровны бездетные Куманины взяли опеку над детьми

Достоевских. Они помогли воспитать сестер Федора Михайловича, всех их выдали замуж, обеспечив достойным приданым. Сам же Федор Достоевский в 1844 году получил от своих родственников Куманиных долю наследства, которая помогла ему оставить службу и заняться писательством.

В большой семье Достоевских кроме двух старших сыновей росло еще пятеро детей — Варвара (1822–1893), Андрей, Вера (1829–1896), Николай (1831–1883) и Александра (1835–1889). Федор был особенно дружен со своим старшим братом-погодком Михаилом, с ним его всю жизнь связывали близкие, теплые отношения. Детей в семье Достоевских никогда не баловали, держали в строгости, приучая к такой жизни, «в которой исполнение обязанностей и отсутствие прихотей стоит на первом плане». Их никуда не пускали одних, заставляли уходить в школу и возвращаться строго по часам, никогда не давали ни копейки карманных денег. Кроме того, дети росли исключительно в кругу семьи, не имея друзей и не зная, что делается за больничными стенами. Все это впоследствии печальным образом отразится на «взрослой» жизни Достоевского, характер которого и без того был непростым. Недоверчивый, очень требовательный к себе и другим, до крайности обидчивый, раздражительный и самлюбивый, он

был малопригоден для товарищества и дружбы.

Отец семейства Михаил Андреевич терпеть не мог детских шалостей и предпочитал, чтобы его дети постоянно занимались каким-нибудь полезным делом — читали книги, изучали иностранные языки, готовили уроки. Он был образованным человеком и неплохим семьянином, но обладал вспыльчивым характером, был мнительным, болезненно подозрительным, самолюбивым и властным. Семья жила в довольно суровой обстановке, над которой «постоянно витал угрюмый дух отца».

Любовь Достоевская, дочь писателя, в своих воспоминаниях характеризовала деда как «очень своеобразного человека». «Пятнадцати лет от роду он вступил в смертельную вражду со своим отцом и братьями и ушел из родительского дома», — писала она. Родители готовили его к духовному званию, но, бросив Каменец-Подольскую семинарию, Михаил Достоевский отправился в Москву изучать медицину. С тех пор он никогда не говорил о своей семье и никогда не упоминал о своем происхождении. И только уже в 50-летнем возрасте, как полагает внучка, он стал испытывать угрызения совести, что бросил отчий дом.

Своих детей Михаил Достоевский держал в «ежовых рукавицах», воспитывая их в страхе и повиновении. Вспышки его гнева были

ужасающими и приводили в трепет всех домочадцев. Нетерпимо требовательный к окружающим, он установил дома строго определенный порядок и тщательно следил, чтобы его неукоснительно соблюдали. Возможно, поэтому Федор Достоевский всю жизнь тяготился воспоминаниями о своем детстве, и в его творчестве нет никаких следов светлых воспоминаний об отце. По словам С. Д. Яновского, Федор Михайлович говорил ему «о тяжелой и безрадостной обстановке его детства, хотя благоговейно отзывался всегда о матери, о сестрах и брате Михаиле Михайловиче». Об отце же «решительно не любил говорить и просил о нем не спрашивать». Сложное, двойственное отношение к отцу Достоевский сохранил на всю жизнь.

Мать писателя Мария Федоровна, в отличие от своего мужа, была мягкой и добросердечной. Она горячо любила своего супруга, но очень страдала от его деспотичного характера и беспочвенной ревности. Судя по трогательным письмам Марии Федоровны, в которых она пыталась успокоить подозрения мужа, это была кроткая, милая женщина. Она была ласкова с детьми, и те любили ее всей душой. Федор Достоевский всегда отзывался о матери с горячей любовью и, создавая кротких и обреченных героинь своего позднего творчества, вероятно, думал

именно о ней. Глубоко верующая, Мария Федоровна ежегодно возила детей в Троице-Сергиеву лавру, учила их читать по книге «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета». С особым чувством Достоевский вспоминал в зрелые годы о знакомстве с Писанием: «Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства». Ярким детским впечатлением писателя стала также ветхозаветная «Книга Иова». Воспоминания об этой книге Достоевский включил в рассказ старца Зосимы о своем детстве в романе «Братья Карамазовы». Рано проснувшимся интересом к книгам Достоевский обязан и своей няне Алене Фроловне. Эта московская мещанка вынянчила всех детей Достоевских, которые с любовью называли ее «нянюшкою» и на ты. Именно от Алены Фроловны Федор Достоевский услышал первые сказки: о прекрасных царевнах и царевичах, о волшебной жар-птице и о подвигах русских богатырей. Он вспоминал свою няню с такой же нежностью, как Пушкин вспоминал Арину Родионовну: «Наша няня Алена Фроловна была характера ясного, веселого и всегда нам рассказывала такие славные сказки!..»

В семье Достоевских очень любили читать. В искусство романистики Достоевского ввела забытая ныне писательница XVIII века Анна Радклиф. Утвержденный ею в европейской литературе новый

вид романа назывался «готическим» из-за влечения к рыцарским преданиям средневековья, запечатленным в скульптуре и витражах архитектурной готики. Из-за мрачности сюжета и траурного колорита его называли также «романом кошмаров и ужасов». Повествованиями А. Радклиф зачитывалась мать Достоевского. Долгими вечерами маленький Федор «за неумением грамоте» слушал, «замирая от восторга и ужаса», как родители его читали на сон грядущий многотомные эпопеи английской романистки. Достоевские выписывали также журнал «Библиотека для чтения», который давал возможность знакомиться с новейшей литературой. По вечерам в семейном кругу читали вслух «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, произведения Г. Р. Державина, В. А. Жуковского и, конечно же, А. С. Пушкина. Младший брат Федора Михайловича Андрей Михайлович писал, что «брат Федя более читал сочинения исторические, серьезные, а также попадавшие романы. Брат же Михаил любил поэзию и сам пописывал стихи... Но на Пушкине они мирились, и оба, кажется, тогда чуть не всего знали наизусть...» Страстным почитателем таланта А. С. Пушкина Федор Достоевский оставался всю свою жизнь.

Несмотря на скудость средств, заставлявшую

всю семью Достоевских тесниться в двух-трех комнатах, родители будущего писателя не жалели денег, чтобы дать детям по возможности хорошее воспитание и образование. В 1833 году 12-летний Федор был отдан в полупансион Н. И. Драшусова (Сушара); туда он и брат Михаил ездили «ежедневно по утрам и возвращались к обеду». Через год опять же вместе со старшим братом Федора определили в частный пансион Л. И. Чермака, один из лучших в Москве, где он проучился до 1837 года. В этом престижном учебном заведении преподавали известные московские ученые и лучшие педагоги — крупный русский математик Д. М. Перовошиков, впоследствии ректор Московского университета и академик; известный шеллингианец, доктор словесных наук И. И. Давыдов; магистр латинской словесности А. М. Кубарев, автор весьма примечательной «Теории русского стихосложения». Особое значение в пансионе придавали изучению литературы. Писатель Д. В. Григорович отмечал в своих воспоминаниях, что все воспитанники Чермака отличались выдающейся начитанностью в классической и современной поэзии. Уроки словесности и литературы увлекали и братьев Достоевских. О Федоре-пансионере рассказывал его соученик В. М. Каченовский: «...это был серьезный, задумчивый мальчик, белокурый, с

бледным лицом. Его мало занимали игры: во время рекреаций он не оставлял почти книг, проводя остальную часть свободного времени в разговорах со старшими воспитанниками пансиона...» Атмосфера учебных заведений и оторванность от семьи вызывали у Достоевского болезненную реакцию, которую писатель впоследствии отразил в романе «Подросток», наделив главного героя, переживающего глубокие нравственные потрясения в «пансионе Тушара», автобиографическими чертами. Воспоминания о пансионе Л. И. Чермака также послужили материалом для многих произведений Федора Михайловича.

«Даровое — земля Достоевского»

В 1828 году Михаил Андреевич Достоевский получил звание потомственного дворянина. Три года спустя он приобрел небольшое село Даровое в Каширском уезде Тульской губернии, а через два года соседнюю с ним деревню Чермошню. С этого времени Федор Достоевский вместе с братьями и сестрами каждое лето проводил в Даровом. Младший брат писателя А. М. Достоевский так описывал любимые с детства места: «Местность в нашей деревне была очень приятная и живописная. Маленький плетневый, связанный глиною на манер южных построек, флигелек для нашего приезда

состоял из трех небольших комнаток и был расположен в липовой роще, довольно большой и тенистой. Роща эта через небольшое поле примыкала к березовому леску, очень густому и с довольно мрачною и дикою местностью, изрытою оврагами. Лесок этот назывался Брыково. Лесок Брыково с самого начала очень полюбился брату Феде, так что впоследствии в семействе нашем он назывался Фединою рощею...» Через всю усадьбу Достоевских проходил глубокий овраг, часть которого превращена была в глубокий водоем, где поили скот, удили искусственно разведенную рыбу, купались.

В деревне, где семья нередко проводила время без строгого отца, дети пользовались большей свободой (только в 1837 году, уже после смерти жены, Михаил Достоевский вышел в отставку и навсегда переехал в Тульскую губернию, поселившись в своем имении вместе с младшими детьми). «В деревне, — рассказывал брат писателя Андрей Михайлович, — мы постоянно почти были на воздухе и, исключая игры, проводили целые дни на полях, присутствуя и приглядываясь к трудным полевым работам. Все крестьяне любили нас очень, в особенности брата Федора. Он, по своему живому характеру, брался за все: то попросит водить лошадей с бороной, то погоняет лошадь, идущую в сохе. Любил он также вступать в разговоры с

крестьянами, которые охотно с ним говорили, но верхом его удовольствия было исполнить какое-либо поручение и быть чем-нибудь полезным. Я помню, что одна крестьянка, вышедшая на поле жать вместе с маленьким ребенком, пролила нечаянно жбанчик воды, и бедного ребенка нечем было напоить, — брат сейчас же взял жбанчик, сбегал в деревню и принес матери целый жбан воды...» В Даровом маленький Федор чувствовал себя гораздо лучше, чем в городе: не было ни строгого отцовского надзора, ни длинных утомительных уроков, ни постоянной необходимости следить за своим поведением. Он много времени проводил в играх с братьями, но чаще предпочитал вертеться возле крестьян, ходить за грибами, «слушать природу». Здесь мальчик впитывал в себя все: и тихое очарование этой земли, и крестьянский быт, и пешие походы на городскую почту, и богослужения в соседнем Моногарове, и даже названия деревень (так появится Чермошня в «Братьях Карамазовых»). Впоследствии многие произведения писателя будут основаны на лирических описаниях деревенских пейзажей, прообразе малой родины. Уже будучи на каторге, Достоевский любил возвращаться к впечатлениям своего раннего детства, к этому «святому и драгоценному, без чего не может и жить человек». Летом 1877 года по дороге из Москвы в

Курскую губернию Федор Михайлович специально сделал небольшой крюк, чтобы увидеть вновь места своего детства и отрочества. В «Дневнике писателя» за этот же год он напишет: «Сорок лет я там не был и столько раз хотел туда съездить, но все никак не мог, несмотря на то, что это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где все полно для меня самыми дорогими воспоминаниями».

После смерти родителей Даровое принадлежало младшему брату Андрею Достоевскому, а затем его сестрам и их детям. Федор Михайлович отказался от своей доли наследства в Даровом в 1844 году, получив в виде возмещения 500 рублей серебром. В 20-е годы XX столетия дом в Даровом, в котором уже не осталось никого из членов семьи Достоевских, был превращен в сельскую библиотеку. Мемориальные вещи вывезли в Москву, на Божедомку, где создавался тогда первый музей писателя. В 1955 году в Даровом была создана «комната Достоевского», в которой экспонировались фотоматериалы, поступившие из московского музея. С 1974 года усадьба Даровое приобрела статус музея, а с августа 1990 года стала филиалом Зарайского историко-художественного музея. В наши дни в сохранившемся флигеле,

принадлежавшем Достоевским, размещена экспозиция, представляющая период их пребывания в этих местах. Сохранились старые постройки в Даровом и Черемошне, липовая аллея, фруктовый сад и пруд. Рядом с музеем расположен небольшой лесной массив, который в память о писателе до наших дней так и называют Фединой рощей.

Юность. Первые жизненные испытания

1837 год, принесший Достоевскому серьезные испытания, потери и перемены, стал важным и сложным периодом в его жизни. Зимой этого года от чахотки умерла любимая и любящая мать, скончался А. С. Пушкин, гибель которого юный Федя воспринял как личное горе. Андрей Михайлович Достоевский писал: «Брат Федя в разговорах со старшим братом несколько раз повторял, что ежели бы у нас не было семейного траура, то он просил бы позволения отца носить траур по Пушкину». В этом же, 1837-м году отец отвез старших сыновей Михаила и Федора в Санкт-Петербург, где оба брата приступили к учебе в подготовительном пансионе военного инженера К. Ф. Костомарова.

Так закончились годы детства и отрочества Федора Достоевского, самыми светлыми

воспоминаниями из которых были мать, «брат Миша», Пушкин, милая деревня Даровое, нянины сказки, любимые книги и первые поэтические замыслы... Впереди будущего писателя ожидали годы учебы и тревожная юность.

По окончании пансиона К. Ф. Костомарова по настоянию отца брата Достоевские должны были поступить в одно из лучших заведений Петербурга — Главное Инженерное училище. Вместе с отцом Михаил и Федор, в нетерпеливом ожидании «взрослой, самостоятельной» жизни, отправились в столицу. «Был май месяц, — вспоминал Федор Михайлович эту поездку годы спустя, — мы ехали на долгих почти шагом и стояли на станциях часа по два, по три. Помню, как надоело нам, наконец, это путешествие, продолжавшееся почти неделю. Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, мечтали о чем-то ужасно, обо всем «прекрасном и высоком». Тогда это словечко было светло и выговаривалось без иронии. И сколько тогда было и ходило таких словечек! Мы верили чему-то страстно, и хотя мы оба знали прекрасно все, что требовалось к экзамену из математики, но мечтали мы только о поэзии и о поэтах. Брат писал стихи, каждый день стихотворения по три, — даже дорогой, а я беспрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни».

Однако в Петербурге старший Михаил не